

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ – ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Кулакова И.П.

DOI: 10.7256/2222-1972.2015.6.17424

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Тема Страстей Господних и культ Страстной Богородицы в российском историко-культурном контексте

Аннотация. Статья посвящена этапам актуализации темы Страстей Господних в российской культурной традиции. Древнерусскими иконописцами была наследована византийская иконография Страстной Богородицы с поклоняющимися ей ангелами и орудиями Страстей (икона XIII в. из музея г. Калязина). Позднее страстная тема как будто исчезает из культурного обихода и только в середине XVII в. вновь воплощается в иконном образе Страстной Богоматери, чудесным образом обретенном в 1641 г. в Нижнем Новгороде, а затем перенесенном в Москву. Используя семиотический подход в трактовке позы и жестов персонажей иконы, автор выявляет акцентировку на «уязвимости» Христа, причастности его к человеческой природе. Прослеживается связь прославления иконы и становления московского Страстного монастыря с царствующим семейством Романовых. Рассматриваются различные направления в распространении страстного сюжета в русской культуре XVII–XIX вв.: «Сказание», повествующее о явлении чудотворной иконы, чтимый прототип, утверждающийся в ее списках, символы Страстей в декоре предметов декоративно-прикладного искусства и украшений книг, циклы гравюр и литературные произведения. Истоки актуализации страстного сюжета автор предлагает искать не только в трансфере европейской барочной традиции, но и в самой сложной обстановке раннего Нового времени.

Ключевые слова: культ Страстей Господних, икона, иконография, династия Романовых, монастырь, сказание, атрибуты Страстей, церковное искусство, эмблематика, раннее Новое время.

Abstract. This article is focused on the stages of adoption into the Russian cultural tradition of the theme of the Passion of Christ. The Ancient Russian icon-painters inherited the Byzantine iconography of the Theotokos of the Passion with worshipping angels and the Instruments of the Passion (13th-century icon from the museum of Kalyazin). The theme of the Passion seems to disappear later on from the artistic usage and only reappears again in the middle of the 17th century in the form of an icon, miraculously acquired in 1641. Using the semiotic approach in interpreting the pose and gestures of the icon's figures, the author identifies a particular accentuation on the "vulnerability" of Christ, concerning his human nature. The author further traces a link between the canonisation of the icon and the establishment of the Moscow Monastery of the Passion (Strastnoy monastery) with the ruling dynasty of the Romanov family. The article reviews the different directions of the Passion theme's distribution in Russian culture during the 17th–19th centuries: "the Legend" recounting the appearance of the miracle-working icon, the venerated prototype established in its lists, the symbols of the Passion in the adornments of the decorative and applied arts and book illumination, the cycle of engravings and literary compositions. The author proposes to consider the origins of the Passion theme's adoption not only with the transfer of the European Baroque tradition, but also with the very complex environment of the early Modern period.

Key words: Passion of Christ cult, icon, iconography, Romanov dynasty, monastery, legend, Passion imagery, church art, emblems, early Modern period.

Сюжетами поругания и казни Христа, которые принесла христианская традиция, древние русичи познакомились, слушая тексты Евангелия на ве-

ликопостных церковных службах в Страстную неделю, читая евангельские тексты, взирая на византийские иконы. В византийском искусстве уже с XI в. получают распространение иконы,

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда (РНФ) №14-18-03473.

где по сторонам от фигуры Богородицы с Младенцем Христом помещаются образы поклоняющихся Ей ангелов, и лишь позднее тема поклонения дополняется темой Страстей Христовых: в руках ангелов появляются орудия мучений Христа. Древнейшее же известное изображение подобного рода в русской традиции – это Богородица Страстная из Дмитриевского монастыря (XIII в., собрание музея г. Калязина). По сторонам два ангела, несущие орудия Страстей Христовых – крест, губку и копье, они «представляют собой образ небесного служения, совершаемого ангелами перед Богородицею, символизирующей Небесный Престол с вознесенным на него Предвечным Агнцем» [1, 318]. Это один из иконографических вариантов иконы Божией Матери Одигитрии («Путеводительницы»). На калязинском образе Младенец прижимается щекой к Матери. Исследователи обращают внимание на положение ножек Младенца (как бы раздвинутых «в шаг») и также на необычное положение подошвы («пяты») одной из обнаженных ног Младенца.

Позднее страстная тема как бы исчезает на некоторое время из русской богородичной иконографии и уже в XVII в. воплощается в образе, связанном с появлением Страстного монастыря в Москве. Чтимый прототип – икона, обретенная в 1641 г. в Нижнем Новгороде (об этом речь еще впереди). Представление о ней дают фото 1 и 8 из издания 1897 г. [2].

Описание иконы было сделано архимандритом Макарием в XIX в.: «...в длину один аршин и пять вершков, в ширину ровно один аршин» (обычно с прославленного оригинала выполнялись списки «в меру и подобие») [3, 472]. Известно и о других чтимых иконах Страстной Богородицы (в с. Козмодемьянском, с. Казакове и др.).

Но этот иконографический тип несколько отличается от калязинского, и именно он утвердился в большинстве списков XVII–XIX вв. (они различаются главным образом положениями ангелов). (Ее изображение впервые опубликовал И. Ф. Токмаков [4, 5], наиболее полное исследование данной иконографии принадлежит Г. В. Сидоренко [5].) Голова Богородицы Страстной наклонена к сидящему на ее руках Сыну, но Он не прижимается к ней, а смотрит на одного из ангелов; Его ножки раздвинуты «в шаг», и одна из подошв обращена к зрителю. Присутствует и особый жест: своими руками Богомладенец держится за правую руку Богородицы –

Икона Страстной Богородицы. Фото. Снимки Девичьего Страстного монастыря

Образ Страстной Богородицы из собрания П. Корина. Государственная Третьяковская галерея. Первая половина XVII в.

Богородица Одигитрия. Первая половина XVI в.
Ростовский музей изобразительных искусств

Богородица Страстная.
Вторая половина XV в.
Государственный Эрмитаж

своей правой Он держит Ее большой палец, а левой сжимает кисть. Можно усмотреть здесь аналогии с той же деталью ряда итальянских икон и фресок и их влияние на складывание русской иконографии [5, 100–101].

Мы можем лишь догадываться, какой смысл вкладывали в ту или иную деталь древние иконописцы. Жестовость традиционного искусства, «чрезвычайно скудно представленная в нашей цивилизации слова», отличалась богатством форм в культурах далекого прошлого. И в последнее время все большее внимание придается семиотике жестов, зафиксированных как на средневековых изображениях, так и в текстах [6, 114–135].

К иконописному изводу «гликофилуса» («шагающие ножки») относится древняя Феодоровская икона Божией Матери, уже в XII в. считавшаяся чудотворной. Но и на богородичной иконе первой половины XVI в. из музея г. Ростова мы также видим трогательные обнаженные ножки Младенца, раздвинутые «в шаг», и необычный жест – прикосновения Младенца к руке Богородицы [7].

Разнообразны, но одинаково значимы на приведенных иконах разные типы жестов Иисуса – ухватившегося за одежду Марии или за Ее руку. «Испуг» Младенца, выраженный в жесте, в стремлении найти защиту у Матери, может быть прочитан как демонстрация причастности Христа человеческой природе – в предвидении Страстей, Голгофы. Значима и семантика позы Младенца на образе Страстной Богородицы из-за обнаженной и повернутой к зрителю стопы («пяты») одной из Его ножек. Нарочитое изображение пяты Младенца на иконах типа Умиления и Одигитрии, по разумению исследователей, отсылает и к «пяте Ахиллеса», и к библейским пророчествам [7; 8; 9]. Эти детали символизируют уязвимость Младенца, зрящего на орудия будущих Страстей, которые показывает Ему архангелы, его испуг – но и добровольное принятие праведных мучений («докрестная смерть» Христа – в преддверии его страданий [10]). В этих деталях, как кажется, можно видеть нарастание значимости страстной тематики в изобразительной сфере, и к этому мы еще вернемся ниже.

Появление на Руси иконографического извода Одигитрии – Страстной Богородицы с ангелами и орудиями страстей – связывают с влиянием критской школы, прежде всего с произведениями Андреаса Ритзаса (1422–1492), основа-

теля крупнейшей мастерской и целой династии иконописцев. Его считают автором данной иконографии, просуществовавшей в критской иконописи в течение нескольких десятилетий [11]. Иконографический тип Страстной Богородицы стал одним из любимых в поствизантийском искусстве. По-видимому, такие произведения попадали и в Россию (см., например, «эрмитажную икону» второй половины XV в. [12, 184]).

Страстная икона как реалия московского быта времен царствования Ивана Грозного упоминается в легенде, зафиксированной в составе поздних рукописных сборников, в частности, в сборнике начала XVIII в. из Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (благодарю Н. А. Кобяк за указание на этот сборник) (см. также [13]). Икона остается невредима в московском пожаре 1547 г., спасая один из домов Китай-города, и по приказанию Грозного помещается в иконостас церкви Зачатия св. Анны. (Известно, что образу Страстной традиционно молились о спасении от пожара, как и об исцелении от болезней.)

С обретением около 1641 г. чтимого списка иконы связана легенда о чудесном видении крестьянке Екатерине, подвергавшейся приступам беснования в течение семи лет. В «тонком сне» она получила повеление идти в Нижний Новгород к иконописцу Григорию, у которого находился чудесный Страстной образ (именно находился, о его собственном авторстве речи не идет). После чудесного исцеления Екатерины и других чудес икона оказывается перенесенной в церковь вотчины князя Лыкова в селе Палец в нижегородских пределах. Таким образом, уже само появление в этих краях иконы оказывается связанным с родом Романовых: Б. И. Лыков, женатый на Анастасии Никитичне Романовой, приходился дядей царю Михаилу и зятем патриарху Филарету, с которым к тому же имел приятельские отношения. Царь Михаил заинтересовался новоявленным образом: икона Страстной Богородицы была доставлена в Москву в 1641 г. по повелению не патриарха, а именно государя. (Патриарх Иоасаф умер 28 ноября 1640 г., а новый патриарх – Иосиф – был избран на пустовавший около полутора лет престол только 20 марта 1642 г.) Образ встречали царь с царевичем Алексеем и двором. Там, где икона чудесным образом «встала», – перед Тверскими воротами Белого города – государь повелел воздвигнуть каменный храм во имя Богородицы Страстной. (Наиболее вероятным нам кажется мнение

Г. В. Сидоренко, что специально изготовленный список с чудотворной иконы был возвращен в село Палец, а в московской церкви у Тверских ворот остался оригинал [5]. Позднее, в 1680 г., князем Федором Урусовым в селе Палец в честь Страстной иконы была выстроена трехпрестольная каменная церковь.) В 1645 г. на престол взошел новый государь – Алексей Михайлович, – и уже 25 октября 1646 г. состоялся первый крестный ход в церковь к Страстной иконе с его участием. 1646 г. считается датой освящения вновь построенного храма [4, 5–11]. Добавим, что в монастырском соборе на 1900 г., согласно метрике, существовала надпись, возникшая в период росписи собора во второй половине XIX в.: «В лето от Рождества Христова 1641 при Державе Великаго Государя царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, при Патриархе Московском Иосифе начато каменное строение церкви сия. В 1654-м году Благоверный Государь царь и Великий Князь Алексей Михайлович повелел монастырь Девичий устроить» [14, 117–125]. Со временем – но не позднее 1652 г. – церковь становится соборным храмом Страстного девичьего монастыря, устроенного при ней повелением царя Алексея Михайловича. В пользу этой даты говорят два факта упоминания объекта не как церкви, а именно как монастыря. Первый – в письме Алексея Михайловича 1652 г. с известием о встрече мощей патриарха Иова [15, 156]. Второй – указ Алексея Михайловича от 27 июля 1652 г., предписывавший выдавать новую хлебную ругу Евфросиниеву Суздальскому монастырю «по примеру Страстной иконы Божией Матери женского монастыря в Москве» [16, 494–502]. Таким образом, можно с большой долей вероятности говорить о том, что Страстной монастырь был основан не позднее 1652 г.

В 1641 г. икону торжественно встречали царь Михаил Федорович с царевичем Алексеем Михайловичем, боярством и духовенством на Тверской (или Царской) – главной московской улице. С тех пор празднование в честь иконы стало совершаться 13 (26) августа, в день перенесения ее в Москву, а также в шестое воскресенье после Пасхи в память о чудесных исцелениях, приписываемых иконе. Ежегодно в этот день бывали крестные ходы (известно, что Алексей Михайлович посещал церковь Страстной Богородицы ежегодно в 1646–1649, 1651–1660 гг. [16]). Монастырь разместился на земле, пожалованной еще в конце 1630-х гг. царем Михаилом

боярину И. Д. Милославскому (будущему тестю царя Алексея Михайловича), теперь отказавшему монастырю этот участок [3, 8]. Почитание этим родом иконы засвидетельствовал ценный вклад боярыни Екатерины Федоровны Милославской (матери первой жены царя): принесенные 20 мая 1651 г. «за Тверские ворота к Пресвятой Богородице Страстныя», то есть в пользу тогда, видимо, еще Страстной церкви, два больших покрыва с изображением Положения во гроб и два покрывца («по отце своем Федоре и по матери своей Анне») [17; 15; 18; 19; 20].

Вообще период правления первых Романовых отмечен открытиями мощей угодников Божиих и явлениями чудотворных икон [18, 337; 19]. Принятым способом уведомления о появлении чудотворной иконы была подача челобитной государю, которая затем могла редактироваться, – так, вероятно, и возникали сказания об иконах. События, связанные с явлением чудотворной Страстной иконы, оказались описанными в текстах сохранившегося в нескольких списках «Сказания о Палецкой иконе» (из известных списков два относят к концу XVII в. [20, 65–72; 4, 96, 101; 21, 595–595]). С текстом «Сказания» связана и «Повесть о явлении пресвятого и чудотворного образа <...> Матерь Божия Страстныя», описание которой первым дал В. М. Ундольский [22, 405]. Алексей Михайлович уже упоминается в тексте как устроитель Страстного монастыря, его титул уже звучит как «всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержец», а это возможно не ранее 1655 г. История быстро развивающегося Страстного монастыря: вклады в него, наполнение обители насельниками, поклонение иконе – все говорит о востребованности самого культа.

В целом же еще со второй половины XVI – начала XVII вв. можно заметить подвижки в распространении страстного сюжета. В это время Крест и орудия Страстей появились на обороте уже существующего списка (1514 г.) Владимирской Богородицы. Эти же символы можно увидеть в центральной части новой иконы (второй четверти – середины XVII в.) Сретения иконы Богородицы Владимирской. В 1652 г. «царский изограф» Симон Ушаков снова делает точный список чудотворной иконы Владимирской Богородицы – с тем же оборотом, с Крестом и Страстями [23; 24]. Образ Богородицы неизменно связан с темой Крестных страданий ее Сына. Со второй половины XVII в. на Руси утвердилась традиция включать

в состав иконостаса целый ряд икон с изображением Страстей Господних. Актуализация страстных сюжетов в России подкреплялась еще и тем, что она становилась созвучной проникавшим сюда (посредством прежде всего украинской и белорусской книжных культур) произведениям искусства барокко. Распространялась своеобразная иконописная традиция – отличительной особенностью иконографии русских Страстных икон стал плат на голове Богородицы поверх мафория, отсутствующий в византийской и критской традициях [4, 101].

Атрибуты Страстей в разных иконографических изводах становятся обязательными элементами предметов российского декоративно-прикладного и изобразительного искусства, литературных произведений. Так, в 1671 г. царским изографом Иваном Максимовым создана икона «Распятие», на которой изображены орудия Страстей (крест с терновым венцом, гвоздями, губкой и пикой; столп с орудиями пыток; фонарь, клещи, молоток, мешочек с высыпавшимися монетами, кубок, раскрытая гробница, меч, отрубленное ухо, сосуд на подносе; внизу – надпись: «Орудия Святых Страстей Христовых»).

Уже с 1670-х гг. орудия Страстей появляются на предметах российского декоративно-прикладного искусства, в гравюрах. Это подтверждают исследования гравированной книги Ю. Э. Шустовой [25, 83–93; 26, 78–84] и произведений церковного искусства Ю. Н. Звездиной [27; 28]. Композиции с изображением орудий Страстей Христовых начинают воспроизводиться на крестах, антиминсах, покрывцах, потирах, дароносицах и дарохранильницах, на окладах Евангелий и икон, на самих иконах и гравюрах, позже – на лубочных листах. Роль украинской традиции как транслятора европейской эмблематики, связанной с орудиями страданий Христа, достаточно велика. Так, в украинской книжности изображение орудий Страстей Христа впервые встречается на титульном листе Учительного Евангелия, изданного в Киеве в 1637 г.

На Руси, где традиционным было отношение к иконе как к объекту с повышенным сакральным статусом, явление образа Небесной Заступницы, «чудесное» ее участие в жизни «грешного мира» непостижимым образом соединяло мир иной и земных людей. Так, опосредованно в создании благочестивой легенды выражалась апелляция к защите жизненных интересов и социума (учащавшаяся в периоды кризисов) [29]. Свидетельством востребованности

данной иконографии явилось тиражирование образа в недорогих литых образках и складнях XVII–XIX вв., распространявшихся в низовой среде (встречаются и резные деревянные иконы). Со второй половины XVII в. «страстной» декор появляется на русских серебряных и металлических крестах [30, 68–86]. Излюбленными в народе становятся и гравированные издания – «Страсти Христовы» (1691 г., гравюры А. Трухменского и Л. Бунина), «Страсти Христовы и Апокалипсис» (около 1743 г., гравёр М. Нехорошевский, использовавший гравюры из голландской Библии; замечено, что на гравюрах «недобрые» мучители Христа в сценах бичевания, поругания и Распятия были лишены лиц читателями, воспринимавшими гравюру эмоционально и затиравшими, смазывавшими изображения) [31, 122]. Популярным было апокрифическое сказание о страданиях Христа и созданное на его основе произведение «Страсти Христовы» (конец XVII – начало XVIII в.), связанное с европейской литературной традицией *Passio Christi*, но вполне самобытное [32; 33; 34].

Развитие темы Страстей невозможно объяснить только лишь развитием барочной стилистики и простыми заимствованиями. Сложная психологическая обстановка становящейся культуры раннего Нового времени характеризует не только Россию – Запад она захватила еще

раньше. Человек, по характерному высказыванию одного из протагонистов европейского барокко Яна Амоса Коменского, ощущает себя в «лабиринте мира» и ищет из него выход в «рай сердца», устремляется к трансцендентности как спасению от наступившего хаоса. В Россию эпоха раннего Нового времени принесла социальные взрывы и Раскол, приток инокультурных влияний и неясность новых ориентиров. И все это воспринималось людьми как крах прежних норм, идеалов и ценностей. Потому так важна была тема стоического сопротивления испытаниям и несчастьям, которые воспринимались как нескончаемая череда бедствий, насылаемых Богом в качестве испытаний или предостережений. По мнению одного из авторитетнейших исследователей русской культуры В. Н. Топорова, позитивным итогом XVII в. для России было – вопреки всеобщей смуте «бунташного века» – «уплотнение материальной ткани русской жизни», формирование «человека труда, труженика, который мог успешно продолжать свой труд только в том случае, если он был еще и человеком совести, нравственным человеком» [35, 219]. Выходя за рамки традиции, человек «бунташного века» вынужден был искать опору во внутреннем мире, и крестные страдания Спасителя были на этом пути ориентиром и моральной опорой.

Библиография:

1. Сарабьянов В. Д. «Богоматерь Страстная» из Дмитриевского монастыря в Кашине // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 311–325.
2. Снимки Девичьего Страстного монастыря. 1897 г. // Российский государственный архив древних актов. Библиотека: архивохранилище старопечатных и редких книг. Д. 2908.
3. Макарий, архимандрит. История нижегородской иерархии. Памятники церковных древностей. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999. 704 с.
4. Токмаков И. Ф. Статистическое и археологическое описание Московского Страстного девичьего монастыря. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1897. 152 с.
5. Сидоренко Г. В. Чудотворный образ «Богоматери Страстной» в России // Искусство христианского мира: Сб. статей. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского университета, 1999. С. 96–102.
6. Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 114–135.
7. Вахрина В. И. Икона Богоматери «Умиление» из церкви Одигитрии города Ростова // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/232> (дата обращения: 12.01.2015).
8. Сидоренко Г. Пята Спасителя // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Сост. А. Лидов. М.: Мартис, 1996. С. 321–335.
9. Бенчев И. К иконологии и иконографии иконы Тихвинской Богоматери // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание. Тезисы докладов. Научная конференция. Санкт-Петербург–Тихвин, 24–27 октября 2001 г. СПб.: Б. и., 2001. С. 37–40.
10. Бусева-Давыдова И. Л. К иконографии Богоматери Владимирской в XVII веке // X научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой: Сб. статей. Ярославль: Аверс Пресс, 2006. С. 74–82.
11. Евсеева Л. М. Изобразительное искусство. Поствизантийский период (1453 г. – XVII в.) // Православная энциклопедия. Т. VIII. М.: Церковный научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 334–339.
12. Залеская В. Н., Пятницкий Ю. А. Византия и византийские традиции (Памятники из фондов Эрмитажа и Русского музея) // Византийский временник. Т. 55. М.: Наука, 1975. С. 181–186.
13. Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М.: Университетская типография, 1852. 565 с.

14. Метрика московского Страстного монастыря. 1900 г. // Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 61.
15. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. М.: Типография В. Готье, 1856. 260 с.
16. Евфросиниев Суздальский в честь положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. XVII. М.: Церковный научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 494–502.
17. Строев П. Выходы Государей, Царей и Великих князей, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М.: Типография Августа Семена, 1844. 851 с.
18. Макарий, митрополит. История русской церкви. Кн. 6. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 799 с.
19. Киселев А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М.: Русская книга, 1992. 224 с.
20. Нечаева Т. В. Два малоизвестных видения в нижегородской литературе XVII века // Герменевтика древнерусской литературы XVII – начала XVIII века. Сб. 4. М.: Институт мировой литературы РАН, 1992. С. 65–72.
21. Буланин Д. М. Сказание о иконе Богоматери Страстной // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4 (Т-Я). Дополнения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 593–595.
22. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с 1-го по 579-й. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1870. 405 с.
23. Щенникова Л. А. Владимирская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. IX. М.: Церковный научный центр «Православная энциклопедия», 2005. С. 8–16.
24. Щенникова Л. А. Вновь обретенная икона-список «Богоматерь Владимирская» начала XVI века // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pravoslavie.ru/30897.html> Православие.Ru (дата обращения: 3.10.2015).
25. Шустова Ю. Э. Орудия Страстей Христовых в украинских изданиях XVII в.: иконография и символика // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М.: РГГУ, 2014. С. 83–93.
26. Шустова Ю. Э. Символика орудий Страстей Христовых в православной книжности второй половины XVII в. // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 11. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2011. С. 78–84.
27. Звездина Ю. Н. Эмблемы с орудиями страданий Христа в духовной культуре России последней четверти XVII века (предварительные итоги изучения) // Ростовский архиерейский дом и художественная культура второй половины XVII века. Ростов: Паломник, 2005. С. 252–261.
28. Звездина Ю. Н. Орудия страданий Христа в текстах святителя Димитрия Ростовского и церковном искусстве конца XVII – начала XVIII века // Звезда, от Киева воссиявшая. Почитание святителя Димитрия Ростовского: история и современность. М.: Паломник, 2013. С. 137–147.
29. Жирин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах // [Электронный ресурс] – URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/39001.php?ELEMENT_ID=39001&SHOWALL_1=1 (дата обращения: 3.10.2015).
30. Гнутова С. В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX веков // Филевские чтения. Вып. V. Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII – начала XVIII веков. 8–11 июля 1993 года. М.: Издательский центр ГИМ, 1994. С. 68–86.
31. Хромов О. Коллекция цельногравированных книг в России и собрание Ярославского музея-заповедника // «Вруцелето, эмблемат, апофегмат...»: Цельногравированные кириллические книги и гравюры в русских рукописях XVI–XIX веков из собрания Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М.: Программа «Первая публикация», 2011. 408 с.
32. Булгаков Ф. И. Сказания о Страстях Господних // Памятники древней письменности. Вып. 1. СПб.: Типография Балашова В. С., 1878–1879. С. 153–185.
33. Савельева О. А. Русский апокрифический Христос: к постановке проблемы // *Slavia Orientalis*. Т. LII. 2003. № 2. С. 159–178.
34. Шкапа А. С. «Страсти Христовы» и западноевропейская литературная традиция (к постановке проблемы) // Материалы IX Международной летней школы по русской литературе. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2013. С. 290–301.
35. Топоров В. Н. Московские люди XVII века (к злобе дня) // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М.: Наука, 1993. С. 191–220.

References (transliterated):

1. Sarab'yanov V. D. «Bogomater' Strastnaya» iz Dmitrievskogo monastyrya v Kashine // *Drevnerusskoe iskusstvo*. Rus'. Vizantiya. Balkany. XIII vek. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1997. S. 311–325.
2. Snimki Devich'ego Strastnogo monastyrya. 1897 g. // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Biblioteka: arkhivokhranilishche staropechatnykh i redkikh knig. D. 2908.
3. Makarii, arkhimandrit. Istoriya nizhegorodskoi ierarkhii. Pamyatniki tserkovnykh drevnostei. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaya yarmarka, 1999. 704 s.
4. Tokmakov I. F. Statisticheskoe i arkheologicheskoe opisanie Moskovskogo Strastnogo devich'ego monastyrya. M.: Tipografiya L. F. Snegireva, 1897. 152 s.
5. Sidorenko G. V. Chudotvornyi obraz «Bogomateri Strastnoi» v Rossii // *Iskusstvo khristianskogo mira*: Sb. statei. M.: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo universiteta, 1999. S. 96–102.
6. Kristeva Yu. Zhest: praktika ili kommunikatsiya? // Kristeva Yu. Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki. M.: ROSSPEN, 2004. S. 114–135.
7. Vakhrina V. I. Ikona Bogomateri «Umilenie» iz tserkvi Odigitrii goroda Rostova // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/232> (data obrashcheniya: 12.01.2015).
8. Sidorenko G. Pyata Spasitelya // *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnei Rusi* / Sost. A. Lidov. M.: Martis, 1996. S. 321–335.

9. Benchev I. Kikonologii i ikonografii ikony Tikhvinskoj Bogomateri // Chudotvornaya ikona Tikhvinskoj Bogomateri: ikonografiya – istoriya – pochitanie. Tezisy dokladov. Nauchnaya konferentsiya. Sankt-Peterburg–Tikhvin, 24–27 oktyabrya 2001 g. SPb.: B. i., 2001. С. 37–40.
10. Buseva-Davydova I. L. K ikonografii Bogomateri Vladimirskoi v XVII veke // X nauchnye chteniya pamyati Iriny Petrovny Bolottsevoi: Sb. statei. Yaroslavl': Avers Press, 2006. С. 74–82.
11. Evseeva L. M. Izobrazitel'noe iskusstvo. Postvizantiiskii period (1453 g. – XVII v.) // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. VIII. M.: Tserkovnyi nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2004. S. 334–339.
12. Zaleskaya V. N., Pyatnitskii Yu. A. Vizantiya i vizantiiskie traditsii (Pamyatniki iz fondov Ermitazha i Russkogo muzeya) // Vizantiiskii vremennik. T. 55. M.: Nauka, 1975. S. 181–186.
13. Ratshin A. Polnoe sobranie istoricheskikh svedenii o vsekh byvshikh v drevnosti i nyne sushchestvuyushchikh monastyryakh i primechatel'nykh tserkvakh v Rossii. M.: Universitetskaya tipografiya, 1852. 565 s.
14. Metrika moskovskogo Strastnogo monastyrya. 1900 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moskvy. F. 454. Op. 3. D. 61.
15. Sobranie pisem tsarya Alekseya Mikhailovicha s prilozheniem Ulozheniya sokol'nich'ya puti, s poyasnitel'noyu k nemu zametkoyu S. T. Aksakova, s portretom tsarya i snimkami ego pocherka. M.: Tipografiya V. Got'e, 1856. 260 s.
16. Evfrosiniev Suzdal'skii v chest' polozheniya Rizy Presvyatoi Bogoroditsy vo Vlakherne zhenskii monastyr' // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. XVII. M.: Tserkovnyi nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2008. S. 494–502.
17. Stroev P. Vykhody Gosudarei, Tsarei i Velikikh knyazei, Mikhaila Feodorovicha, Alekseya Mikhailovicha, Feodora Alekseevicha, vseya Rusii samoderzhitsev (s 1632 po 1682 god). M.: Tipografiya Avgusta Semena, 1844. 851 s.
18. Makarii, mitropolit. Istoriya russkoi tserkvi. Kn. 6. M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1996. 799 s.
19. Kiselev A. Chudotvornye ikony Bozhiei Materi v russkoi istorii. M.: Russkaya kniga, 1992. 224 s.
20. Nechaeva T. V. Dva maloizvestnykh videniya v nizhegorodskoi literature XVII veka // Germenevtika drevnerusskoi literatury XVII – nachala XVIII veka. Sb. 4. M.: Institut mirovoi literatury RAN, 1992. S. 65–72.
21. Bulanin D. M. Skazanie o ikone Bogomateri Strastnoi // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 3. Ch. 4 (T-Ya). Dopolneniya. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2004. S. 593–595.
22. Slavyano-russkie rukopisi V. M. Undol'skogo, opisannye samim sostavitelem i byvshim vladel'tsem sobraniya s 1-go po 579-i. M.: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°), 1870. 405 c.
23. Shchennikova L. A. Vladimirskaya ikona Bozhiei Materi // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. IX. M.: Tserkovnyi nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2005. S. 8–16.
24. Shchennikova L. A. Vnov' obretennaya ikona-spisok «Bogomater' Vladimirskaya» nachala XVI veka // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.pravoslavie.ru/30897.html> Pravoslavie.Ru (data obrashcheniya: 3.10.2015).
25. Shustova Yu. E. Orudiya Strastei Khristovykh v ukrainskikh izdaniyakh XVII v.: ikonografiya i simvolika // Vspomogatel'nye i spetsial'nye nauki istorii v XX – nachale XXI v.: prizvanie, tvorchestvo, obshchestvennoe sluzhenie istorika: Materialy XXVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 14–15 aprelya 2014 g. M.: RGGU, 2014. S. 83–93.
26. Shustova Yu. E. Simvolika orudii Strastei Khristovykh v pravoslavnoi knizhnosti vtoroi poloviny XVII v. // Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. Vyp. 11. SPb.: IPT's SPbGUTD, 2011. S. 78–84.
27. Zvezdina Yu. N. Emblemy s orudiyami stradanii Khrista v dukhovnoi kul'ture Rossii poslednei chetverti XVII veka (predvaritel'nye itogi izucheniya) // Rostovskii arkhieieiskii dom i khudozhestvennaya kul'tura vtoroi poloviny XVII veka. Rostov: Palomnik, 2005. S. 252–261.
28. Zvezdina Yu. N. Orudiya stradanii Khrista v tekstakh svyatitelya Dimitriya Rostovskogo i tserkovnom iskusstve kontsa XVII – nachala XVIII veka // Zvezda, ot Kievа vossiyavshaya. Pochitanie svyatitelya Dimitriya Rostovskogo: istoriya i sovremennost'. M.: Palomnik, 2013. S. 137–147.
29. Kirillin V. M. Zhanrovo-tematicheskie osobennosti drevnerusskikh skazanii ob ikonakh // [Elektronnyi resurs] – URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/39001.php?ELEMENT_ID=39001&SHOWALL_1=1 (data obrashcheniya: 3.10.2015).
30. Gnutova S. V. Orudiya Strastei Khristovykh na russkikh krestakh XVII–XIX vekov // Filevskie chteniya. Vyp. V. Materialy tret'ei nauchnoi konferentsii po problemam russkoi kul'tury vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII vekov. 8–11 iyulya 1993 goda. M.: Izdatel'skii tsentr GIM, 1994. S. 68–86.
31. Khromov O. Kollektzii tsel'nogravirovannykh knig v Rossii i sobranie Yaroslavskogo muzeya-zapovednika // «Vrutseleto, emblemat, apofegmat...»: Tsel'nogravirovannye kirillicheskie knigi i graviry v russkikh rukopisyakh XVI–XIX vekov iz sobraniya Yaroslavskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya-zapovednika. M.: Programma «Pervaya publikatsiya», 2011. 408 s.
32. Bulgakov F. I. Skazaniya o Strastyakh Gospodnikh // Pamyatniki drevnei pis'mennosti. Vyp. 1. SPb.: Tipografiya Balashova V. S., 1878–1879. S. 153–185.
33. Savel'eva O. A. Russkii apokrificheskiy Khristos: k postanovke problemy // Slavia Orientalis. T. LII. 2003. № 2. С. 159–178.
34. Shkapa A. S. «Strasti Khristovy» i zapadnoevropeiskaya literaturnaya traditsiya (k postanovke problemy) // Materialy IX Mezhdunarodnoi letnei shkoly po russkoi literature. SPb.: IPT's SPbGUTD, 2013. S. 290–301.
35. Toporov V. N. Moskovskie lyudi XVII veka (k zlobe dnya) // Philologia slavica. K 70-letiyu akademika N. I. Tolstogo. M.: Nauka, 1993. S. 191–220.